

Чи Шэнь изобразил на лице смесь любопытства и робости — именно ту долю детской непосредственности, которая должна была усыпить бдительность. План сработал: Сян Тянью заметно расслабился. С тех пор как юноша оказался в этой захолустной деревушке, он впервые видел столь опрятного и светлогокожего ребёнка. Взгляд его невольно задержался на пухлых детских ягодицах, то и дело мелькавших в разрезе грубых холщовых штанишек.

Заметив этот пристальный взор, Чи Шэнь инстинктивно прикрылся ладошкой. Тут же он поймал себя на мысли, что обычному дитяте и в голову не пришло бы стыдиться подобного, но его взрослое сознание бунтовало против такой «вентиляции». Щеки его невольно залил румянец.

Чем больше Сян Тянью наблюдал за ним, тем сильнее смягчался его взгляд. Но Ван Хэйдань, не замечая перемены в настроении незнакомца, лишь сильнее перепугался. Он выставил перед собой бамбуковый шест, подобранный у свинарника, и попытался придать лицу свирепое выражение:

— Ах ты, рожа кривая! Сразу видно — не из наших будешь. Решил нашего Бао-эр украсть? Ну, попробуй, отведай моей палки!

Чи Шэнь мысленно застонал. Перед ним стоял утончённый молодой господин в дорогих одеждах — зачем ему похищать деревенского мальчишку, чья жизнь не стоит и пуговицы на его наряде? Но Сян Тянью, раззадоренный тупостью «защитника», решил проучить наглеца. Он медленно двинулся вперёд, и в его облике проступила пугающая властность:

— Значит, порочишь меня без всякой причины? Что ж, если я не преподам тебе урок, это сочтут за признание вины.

Он ступал совершенно бесшумно. Чи Шэнь сразу почувствовал неладное: Хэйдань был обычным деревенским парнем, сильным лишь от природы, а Сян Тянью явно владел настоящим боевым искусством. Если дело дойдёт до драки, от брата мокрого места не останется!

Один лишь Хэйдань не понимал опасности. Гаркнув для храбрости, он первым обрушил удар на голову противника. Для Сяна это движение было медленным, как полёт мухи. Юноша лишь слегка повёл рукой, и Сокровенная сила мощным потоком передалась через бамбук прямо в ладони Хэйданя. Тот вскрикнул, руки его невольно разжались, и палка с сухим стуком упала на землю.

Бедолага замер с разинутым ртом, глядя на свои ладони так, словно среди бела дня увидел призрака.

Сян Тянью, едва сдерживая усмешку, уже хотел добавить пару тумачков, но вдруг почувствовал тяжесть на левой ноге. Чи Шэнь, воспользовавшись моментом, бросился к нему и крепко обхватил колено.

Мальчик задрал пухлое личико. Он собирался лишь притворно всхлипнуть, но детские слезные железы оказались предательски чувствительными. По щекам покатались крупные капли, и он, шмыгая носом, жалобно взмолился:

— Пожалуйста, не бей моего братика!

Сердце Сян Тянью дрогнуло. Он вспомнил своё одиночество в поместье Сян, бесконечные придирки братьев и сестёр — у него никогда не было такой простой и искренней привязанности. Он положил ладонь на голову Чи Шэня, мягко погладив его по волосам:

— Если он научится манерам, мне не будет до него дела.

Чи Шэнь прижался к его ноге ещё сильнее, оправдывая брата:

— Он не хотел вас обидеть! Молодой господин, вы такой благородный, простите его, пожалуйста!

Сян Тянью помрачнел при упоминании титула, но, видя, как старается малыш, просто подхватил его и подбросил в воздух. Поймав ребёнка под мягкие ягодицы, он почувствовал, как тот испуганно пискнул и вцепился ему в шею. Стыд за наготу снова вспыхнул на лице Чи Шэня ярким заревом.

— Не люблю, когда меня зовут «молодым господином». Не уподобляйся столичным лизоблюдам. Зови меня просто братом.

В этих словах Чи Шэнь уловил горечь человека, уставшего от интриг. Не обращая внимания на вопли Хэйданя, он послушно и сладко пролепетал:

— Братец Сян.

Лицо юноши просветлело, тень угрюмости исчезла. Но вдруг он повёл ухом, и взгляд его снова стал холодным, хотя голос остался мягким:

— Мне пора. Приду поиграть с тобой позже.

Чи Шэнь закивал, как цыплёнок, клюющий зерно, и заёрзал, просясь на землю. Сян Тянью на миг замер, ощущая мягкость детского тела, — ему явно не хотелось отпускать этого малыша. Но звук вдали становился всё отчётливее. Он осторожно поставил Чи Шэня на землю и стремительно ушёл прочь.

— Уф, — Ван Хэйдань тут же подскочил к брату, едва Сян скрылся из виду. — Совсем рассудок потерял! Но силён, зараза...

Чи Шэнь, придя в себя, нахмурился и нащупал яшму у себя на груди. Камень молчал, несмотря на близость к Сян Тянью.

— Брат, ты сказал, он из знатного рода. Ты его знаешь?

— Да кто ж его не знает! Вся деревня гудит. Приехал из самой столицы, важный такой, нос кверху. Здоровается так, будто делает одолжение своим выдохом!

Чи Шэнь не удержался и хихикнул над описанием:

— Из столицы? В нашу-то глушь? Поди, врешь ты всё.

— Да чтоб мне провалиться! — Хэйдань аж притопнул от досады. — Матушка с соседкой вчера судачили. Говорят, провинился он крепко, и семья его в ссылку отправила. Дали ему в провожатые старика, который одной ногой в могиле стоит. Помяни моё слово: старик преставится, и пареньку в этой дыре не выжить.

Чи Шэнь нахмурился и по-взрослому строго осадил брата:

— Брат, матушка с соседкой — бабы неграмотные, им лишь бы языками почесать. А ты мужчина. Зачем ты за ними повторяешь да смерти человеку желаешь?

Хэйдань опешил от такого напора и замялся, потирая грязные руки:

— Ладно, ладно... Раз тебе не нравится, больше не буду.

Чи Шэнь вздохнул. Он понимал, что Ван Хэйдань — лишь отражение этого мира, и менять его характер нужно постепенно.

Вечером за ужином Хэйдань в красках расписывал свои «подвиги», приукрашивая роль защитника. Ли Цзиньхуа, не вдаваясь в подробности, положила сыну лишний кусок яичницы и задумчиво произнесла:

— Этот молодой господин уже неделю тут, нос из дому не кажет, гордый больно. А с нашим Бао-эр сам заговорил. Видать, наш сынок и впрямь всем люб!

Ван Течжу же смотрел глубже:

— Хэйдань у нас в деревне первый задира, а тот малец его в два счета скрутил. Сразу видно — мастер. Говорят, павлин без хвоста всё равно не курица. Видать, столичная кость и в ссылке крепка.

— Ох! — Ли Цзиньхуа хлопнула себя по колену, и глаза её заблестели. — А ведь верно! Раз его сослали, значит, могут и назад позвать. Он же из столицы! Может, Бао-эр с ним подружится, и тогда в будущем...

— Глупости! — Ван Течжу грубо прервал её и потрепал Чи Шэня по волосам. — Бабы вечно дальше своего носа не видят. Связываться с такими людьми опасно. Своих детей им не жалко, а уж нашего и подавно не пожалеют.

Ли Цзиньхуа обиженно поджала губы:

— Да если бы он был нужен своей семье, разве поселили бы его в ту развалюху со стариком-управляющим? Бедный малец сам в лес ходит, дичь да траву собирает, чтоб с голоду не помереть. В лесу-то рис не растёт, загубит он здоровье в такой нужде!

Чи Шэнь замер, глядя в свою миску с кашей. План созрел сам собой.

На следующее утро, когда взрослые ушли в поле, а матушка отправилась сплетничать к соседке, Чи Шэнь прокрался на кухню. Он привычно нашёл оставленную для него миску пшёнки и яйцо. Рядом лежали три грубых паровых булочки — еда для отца и брата, когда те вернутся на перекус.

Подумав, мальчик стащил одну булку, прижал её к животу под рубахой и, воровато оглядываясь, поспешил к хижине Сян Тянью.

Деревня была мала, и он быстро нашёл нужный дом, окружённый ветхим забором. Во дворе старик в серых одеждах неспешно поливал цветы. Несмотря на простую одежду, в его движениях чувствовалось поразительное спокойствие.

Чи Шэнь подошёл, тяжело дыша — слабое тело ребёнка быстро уставало. Старик обернулся, его лицо светилось добротой. Увидев симпатичного мальчишку, он улыбнулся:

— И откуда же к нам притопал такой карапуз?

— Дедушка, здравствуйте! А здесь живёт братец Сян?

Старик весело рассмеялся:

— Молодой господин и впрямь носит это имя, но я не припомню у него такого брата.

Чи Шэнь, привыкший очаровывать взрослых, протянул ему миску:

— Дедушка, это он просил его так называть. Я принёс ему угощение.

Старик ещё раньше заметил ношу в руках ребёнка, поэтому и заговорил с ним так ласково. Он уже хотел что-то ответить, как дверь хижины скрипнула.

— Дао Цзун,пусти его.

Чи Шэнь вздрогнул. Сян Тянью обратился к старику по имени, и голос его был ледяным. Видимо, их отношения были куда сложнее, чем казалось деревенским. Мальчик невольно замялся.

Заметив испуг ребёнка, Сян Тянью смягчился и поманил его рукой:

— Ты ведь принёс мне поесть?

Чи Шэнь кивнул и вошёл во двор. Дао Цзун отступил, освобождая дорогу, и в этот миг его глаза на краткое мгновение вспыхнули алым светом. Чи Шэня обдало холодом, по спине пробежали мурашки, но он, не смея обернуться, поспешил к юноше.

<http://bllate.org/book/17417/1648444>